

Актуальные аспекты исследования позитивной этнической идентичности, межкультурного и межэтнического взаимодействия населения Поволжья

В. В. ШАРАПОВ

(ПОВОЛЖСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ)*

В данной статье рассматриваются проблемы формирования этнического самосознания и соответствующего ему уровня межкультурной и межэтнической коммуникации. Автор анализирует языковые, антропологические, духовно-нравственные, национально-культурные особенности этнического самосознания и межэтнических отношений населения Поволжья, его этнические стереотипы; дает характеристику межэтнических и межкультурных процессов в рассматриваемом регионе и прогнозирует специфику их развития.

Ключевые слова: позитивная этническая идентичность, социокультурная ниша, этномобилизационные процессы, межэтническая напряженность, этническое самосознание, автостереотипы, гетеростереотипы, межкультурное взаимодействие.

Actual Aspects of Research on the Volga Region Population's Positive Ethnic Identity, Intercultural and Interethnic Cooperation

V. V. SHARAPOV

(THE VOLGA REGION STATE ACADEMY OF SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES)

This article covers the problems of ethnic self-actualization formation and the appropriate level of intercultural and interethnic communication. The author analyses language, anthropological, spiritual and moral, national and cultural peculiarities of the Volga region population's ethnic self-actualization, interethnic relations and ethnic stereotypes; defines interethnic and intercultural processes in the considered region and predicts the specificity of their development.

Keywords: positive ethnic identity, sociocultural niche, ethnic mobilization processes, ethnic tension, ethnic self-actualization, autostereotypes, heterostereotypes, intercultural cooperation.

История развития цивилизации показывает, что в результате простого, «механического» смешения этносов, языков и культур не могут возникнуть «универсальный» этнос, целостная культура или один «суммарный» язык. Обезличивание, «окультуривание» всегда вызывали и будут вызывать протест всех вовлеченных в этот процесс сторон. Однако стремление к национальной и культурной независимости посредством отрицания другой культуры без учета этнопсихологических связей всегда имело разрушительные последствия для

народа, подавшегося такого рода искушению.

В этой связи особую актуальность приобретает процесс формирования у отдельного индивида и у того или иного этноса в целом позитивной этнической идентичности — необходимого условия при конструировании гармоничных межэтнических и межкультурных коммуникаций. Подчеркнем, что обострение чувства этнической неприязни в современной России связано с чрезмерной обращенностью общественного сознания к национальным особенностям, а точнее,

* Шарапов Вячеслав Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (г. Самара). Тел.: (846) 269-64-44. Эл. адрес: sharapov61@mail.ru

с трансформацией позитивной этнической идентичности в гиперидентичность.

Стремление принадлежать к этнической общности на групповом уровне определяется потребностью в позитивной этнической идентичности и этнической безопасности. Через стремление к позитивной этнической идентичности индивид не только повышает собственную самооценку, но и престиж и статус своей группы. Угроза позитивной идентичности — это угроза существованию этнической общности.

Рост потребности в позитивной этнической идентичности и безопасности — важнейший индикатор этномобилизационных процессов. На этом уровне к показателям этнической солидарности добавляется осознание внутриэтнической консолидации и восприятие своей группы как целостного и самостоятельного субъекта.

Рост потребности в этнической идентичности усиливает стремление членов группы к повышению ее статуса. На психологическом уровне этносоциальный статус — это ощущение группой своей демографической силы, политических и социальных возможностей по защите интересов ее членов.

Научные исследования свидетельствуют о том, что этносоциальные статусные характеристики и их динамика оказывают существенное влияние на изменение содержания и направленности межэтнических установок. Равные права в принятии решений и равный статус рассматриваются как возможность снижения уровня этноцентризма (Amir, 1969; Соог, 1978). Но в то же время само стремление к равному статусу является предпосылкой роста межэтнической напряженности (Дробижева, 1994).

В этой связи представляет интерес исследование и анализ этнопсихологической ситуации в одном из наиболее полиэтничных регионов Российской Федерации — Поволжье. Межнациональное взаимодействие в регионе всегда можно было охарактеризовать как толерантное и терпимое. Интеграция различных национальных и культурных традиций имела, как правило, естественно-

исторический характер и не требовала каких-либо специальных общественно ориентированных мероприятий.

Однако центробежные тенденции в стране после распада СССР, «парад суверенитетов» в бывших союзных и автономных республиках, трансформация у ряда национальных меньшинств этнической идентичности в гиперидентичность, вооруженные конфликты на постсоветском пространстве не могли не отразиться на особенностях этнического самосознания и идентичности, уровне толерантности, характере межэтнического и межкультурного взаимодействия населения региона. В силу вышесказанного исследуемая проблема является своевременной и актуальной.

Мы рассматриваем формирование позитивной этнической идентичности, особенностей межкультурного и межэтнического взаимодействия населения Поволжья на основе анализа этнической идентификации волжан по языковому, антропологическому, морально-нравственному и национально-культурному признакам, а также на основе сопоставления системы авто- и гетеростереотипов.

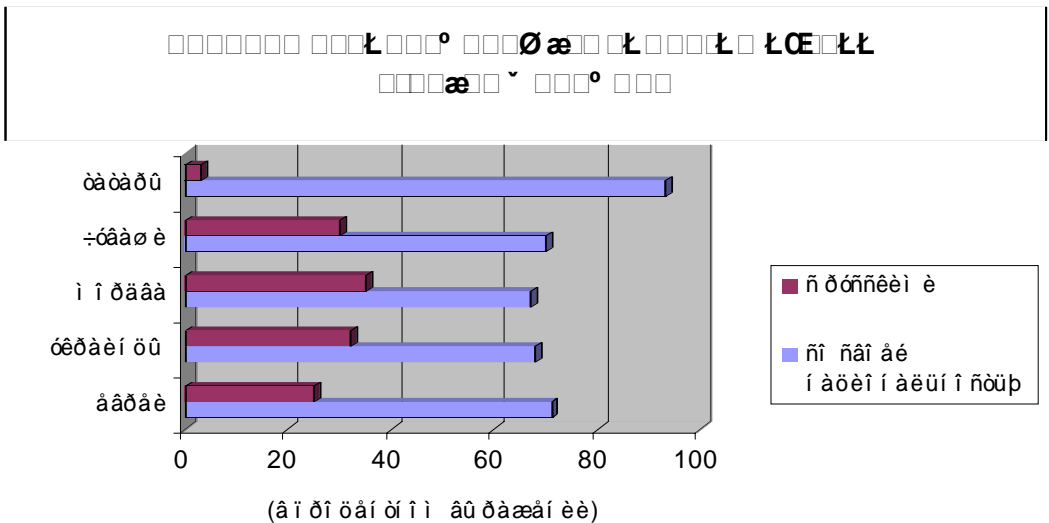
Говоря о специфике этнического самосознания, национальной идентичности, необходимо акцентировать внимание на их неотъемлемом компоненте — собственно языковой идентификации. Язык выступает как наиболее устойчивый и очевидный признак нации.

Для того чтобы определить уровень идентификации волжских этносов по языковому принципу, респондентам (представителям различных этносов, проживающих в Поволжье) было предложено несколько вопросов, касающихся их родного языка.

Решение индивидом вопроса о выборе родного языка в значительной мере отражает психологическое отношение к языку, опирается на реальное владение тем или иным языком и зависит от реального языкового поведения. Выбор родного языка выступает как один из показателей этнической идентичности, причем у разных этносов этот уро-

вень неодинаков. Так, 70% татар родным считают свой национальный язык. У чувашей этот показатель ниже, чем у татар, но выше, чем у остальных этносов: почти 40% из них своим родным считают чувашский язык. Самый низкий показатель языковой идентификации у евреев: только 7% из них родным назвали свой национальный язык. Эти данные обосновывают характерную картину этнической идентификации нерусского населения Поволжья (см. диаграмму).

В многонациональных регионах Поволжья межэтнические коммуникации осуществляются, как правило, на языке титульной нации (на мажоритарном языке). Функционирование же миноритарных языков (языков, принадлежащих меньшим по численности этносам) обладает более ограниченным полем общественной жизнедеятельности, чаще всего ограничено рамками семейного общения. Данные нашего исследования показывают, что своим национальным языком владеет

лишь одна треть опрошенных. Для разных национальностей эти цифры неодинаковы, несмотря на то, что все этносы, проживающие в Поволжье, находятся приблизительно в равных условиях сосуществования мажоритарного и миноритарных языков.

Самый высокий уровень языковой компетентности у татар: почти 80% опрошенных владеют своим национальным языком. Вдвое ниже этот показатель у чувашей — 43%, а у украинцев и мордвы национальным языком владеет лишь каждый третий опрошенный. Наименьший уровень языковой компетентности у евреев: только 9% из них владеют своим языком.

Третья часть опрошенных не знают языка своей нации. В чем причина? 13% из них затруднились дать ответ на этот вопрос,

4% просто не хотят его изучать, 26% из числа не владеющих национальным языком считают, что у них нет возможности для его изучения. Более половины из тех, кто не владеет своим национальным языком, главной причиной его незнания называют отсутствие в этом необходимости.

В настоящее время национальный язык востребован главным образом в семье. Однако мононациональных семей становится все меньше, а значит, область функционирования миноритарных языков все более сужается. С одной стороны, сужение функциональности миноритарных языков может создавать у их носителей внутреннюю психологическую напряженность, подчас имеющую скрытый характер и резко проявляющуюся в моменты политических потрясений.

С другой стороны, это помогает национальным меньшинствам плавно и бесконфликтно вписаться в доминирующую «практическую культуру».

Преобладание русского населения в большинстве исследуемых регионов, изучение русского языка и литературы со школьной скамьи, использование русского языка в качестве основного средства в повседневной коммуникации — все это способствовало созданию прочных основ идентификации многонационального населения с русским. Для многих респондентов русский язык стал не только средством повседневной коммуникации вне дома, но и языком домашнего общения; помимо этого, его считают своим родным языком 65% от числа опрошенных малочисленных этносов.

Существенным признаком внешней идентификации для половины наших респондентов служит акцент. Особо значимым он является для татар и украинцев: 65 и 60% от числа опрошенных. У чувашей и мордвы этот показатель чуть больше 40%. А вот среди евреев только 7% способны узнать представителя своей национальности по языковому акценту, скорее всего, потому, что они имеют низкий уровень самоидентификации по языку и низкий уровень владения национальным языком (7 и 8%).

Следующим по значимости идентифицирующим признаком является внешний облик человека: 37% респондентов способны по внешнему виду узнать представителя своей национальности. Половина татар и евреев по чертам лица без труда узнает представителя своей национальности, среди чувашей таких 31%, среди мордвы — 13%. Для украинцев черты лица не могут служить признаком идентификации (на него указало только 5% респондентов).

Наименее значимым признаком идентификации, по мнению наших респондентов, является поведение человека. На основании поведенческих особенностей лишь 17% из числа опрошенных способны определить национальную принадлежность индивида. Среди них по 15% респондентов татарской

и украинской национальности, менее 10% чувашей и мордвы. А вот для 31% респондентов еврейской национальности этот признак служит средством национальной идентификации.

Совокупность признаков, консолидирующих людей по национальному принципу, у представителей разных этносов также неодинакова. Похожие результаты оказались у чувашей, мордвы и украинцев. С представителями своей нации их роднят, прежде всего, язык, обычаи, обряды, традиции, затем черты характера, народное творчество (сказки, песни, предания) и какое-то «трудноуловимое» чувство. Для татар наиболее существенными консолидирующими признаками выступают обычаи, традиции, религиозные обряды, народное творчество и, наконец, черты характера.

Все это позволяет предположить, что для большинства этносов, проживающих в регионе, национальную близость определяет прежде всего этнокультурный капитал, приобретенный народом и передаваемый от поколения к поколению, — это язык, обычаи, традиции, народное творчество, религиозные обряды и только потом черты характера.

У евреев представление о национальной близости несколько отличается от остальных и основано в большей степени на внешних проявлениях — чертах характера, поведении в повседневной жизни и в меньшей степени на этнокультурных ценностях.

Помимо вполне конкретных понятий, есть еще что-то на уровне чувств, что роднит представителей одной национальности, что трудно объяснить словами, но это «что-то» присутствует в равной мере у респондентов всех национальностей, а у евреев занимает ведущее место в структуре представлений о национальном родстве.

Представители малочисленных этносов живут в условиях усиления ассимиляции, преобладания культуры титульной нации и мажоритарного языка, что приводит к постепенной утрате национального самосознания у одной части респондентов и нацио-

нальному обособлению (выделению) другой части населения. На вопрос «Возникло ли у Вас желание постоянно жить среди людей своей национальности?» положительно ответил каждый четвертый из опрошенных. Столько же респондентов ответили, что считают себя русскими независимо от записи в паспорте (т. е. доля «изоляционистов» и «ассимилянтов» оказалась примерно одинаковой).

Среди татар (для них характерен наиболее высокий уровень национальной идентификации) желание жить среди людей своей национальности возникает у каждого третьего из числа опрошенных, что несколько больше, чем у остальных этносов.

Особую роль в оценке успешности существования национальных меньшинств

с большинством имеет оценка пропорции авто- и гетеростереотипов. При этом автостереотип группы должен быть более позитивный, чем ее гетеростереотипы. Подобное состояние межэтнических оценок и представлений характерно для самосознания этнических меньшинств в регионах с относительно благополучными межнациональными отношениями.

Именно такой баланс устанавливается в условиях длительного и бесконфликтного проживания людей в иноэтническом окружении.

Исследуя национальные стереотипы, мы предлагали респондентам ответить на вопросы, характеризующие национальное большинство (русских) и конкретную этническую группу (см. таблицу).

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ ВОЛЖАН
(А — АВТОСТЕРЕОТИПЫ, Г — ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПЫ,
% К ЧИСЛУ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДАННОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ)

	<i>Чуваши</i>		<i>Мордва</i>		<i>Татары</i>		<i>Евреи</i>		<i>Украинцы</i>	
	Г	А	Г	А	Г	А	Г	А	Г	А
Гостеприимные	84,8	74,7	82,8	80,8	78,8	95,0	77,2	68,3	90,0	89,4
Открытые, простые	74,7	72,7	72,7	66,7	75,8	59,7	60,4	36,4	79,0	74,5
Властолюбивые	19,4	10,2	15,3	24,5	23,7	32,3	15,0	20,6	14,0	28,0
Надежные, верные	52,1	51,5	53,5	61,6	50,5	59,4	37,0	56,4	63,6	62,8
Миролюбивые	71,7	72,4	73,5	72,4	73,2	11,6	60,4	67,3	78,8	79,8
Лицемерные, хитрые	5,2	4,0	12,1	11,2	12,5	12,6	10,0	14,1	8,1	15,2
Свободолюбивые	67,3	58,6	64,6	66,3	61,9	78,4	45,0	54,1	69,4	78,3
Культурные	41,2	36,7	40,8	37,4	46,4	36,7	26,0	65,0	47,0	54,3
С чувством собственного достоинства	59,6	49,0	51,0	63,6	53,6	78,4	42,0	65,3	60,6	74,5
Заносчивые	14,1	10,2	20,2	12,1	18,6	20,6	11,0	12,1	11,0	15,1
Забитые	13,1	10,1	15,3	12,2	14,6	5,2	8,2	10,2	10,0	6,5
Готовые прийти на помощь	76,5	73,7	68,4	74,7	72,7	38,9	64,0	59,0	80,0	76,6
Терпеливые	77,8	70,7	73,5	80,8	86,9	30,6	75,0	69,3	89,0	77,7
Навязывающие свои обычаи	7,1	5,1	5,1	7,1	13,4	8,6	6,1	2,0	5,0	8,6

Полученные данные указывают на вполне сбалансированную структуру авто- и гетеростереотипов по всем национальным группам, охваченным исследованием. Ни у одной из национальностей мы не обнаружили значительных различий между двумя типами стереотипов в негативных характеристиках, кроме украинцев: среди них распространено мнение, что «властолюбие» более свойственно украинцам, чем русским (28% против 14%). Что касается позитивных характеристик, то у чувашей, например, не обнаружено никаких различий между авто- и гетеростереотипами. У представителей мордвы автостереотип преобладает над гетеростереотипом лишь по такому свойству характера, как чувство собственного достоинства (63,6–51,0%). Именно эта характеристика показала преобладание автостереотипов и у татар (78,4–53,6%), евреев (65,3–42,0%), украинцев (74,5–60,6%).

Украинцы характеризуются более высоким автостереотипом по свойству «миролюбивые», а татары — по таким качествам, как «гостеприимные» (95,0–78,8%), «надежные», «верные» (59,4–50,5%), «свободолюбивые» (78,4–61,9%); у евреев оказался более высокий, чем средний, показатель различий по следующим качествам: «открытые, простые» (36,4–60,4%), «надежные» (56,4–37,0%), «культурные» (65,0–26,0%).

На основании проведенного исследования можно утверждать, что различные национальные группы Поволжья и области имеют специфический комплекс авто- и гетеростереотипов в этнической сфере. Наименее явной эта специфика выглядит у чувашей, в чьей среде разница между стереотипами относительно самих себя и относительно русских выражена достаточно слабо. Наиболее показательны в этом смысле взгляды

представителей татарской и еврейской общин: у них имеют место наиболее яркие различия в авто- и гетеростереотипе, наиболее четко выраженная национальная идентификация.

Подводя итоги исследования, считаем возможным констатировать, что в регионе отсутствует конфликтогенное поле, провоцирующее межэтнические противоречия и разногласия, что обусловлено наличием у подавляющего большинства проживающих здесь этносов позитивной этнической идентичности и вследствие этого — наиболее оптимальных межэтнических и межкультурных контактов. Как показали исследования, в Поволжье межнациональная ситуация не создает опасного уровня конфликтогенности среди представителей различных наций, не стимулирует в их среде состояние фрустрации, социально-психологической агрессивности ни по отношению к титульной нации, ни по отношению к другим этносам. В регионе наблюдается существенное доминирование граждан, толерантных к иной культуре, что определяет готовность последних к межэтническому и межкультурному взаимодействию и сотрудничеству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дробижева, Л. М. (1994) Национализм, этническое самосознание и конфликты в трансформирующемся обществе // Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 1990-х гг. М.: Институт этнологии и антропологии, 1994. С. 16–47.

Amir, Y. (1969) Contact hypothesis in ethnic relations // Psychological Bulletin. 71.

Coor, S. (1978) Interpersonal and attitudinal outcomes in cooperating interracial groups // Journal of Research and Development in Education. № 3.